

Висит над аулом луна. Свет лежит на скале,
Снега на хребтах, лес зеленый, поляны, стремнины.
И темные реки текут по скалистой земле
К хлебам, что созрели на нивах Чегемской долины.

Луна над аулом. Ночь свадьбы. Уже привезли
Невесту. С подругами рядом сидит она скромно.
Танцуем, поем, веселимся, как будто мы шли
По жизни легко и наш день не бывал еще темным.

А юноши в круг выбегают и пляшут, легки,
Как будто вовек никакой не узнают печали.
Потом поднимаются медленно с мест старики.
Танцуют,— да так, словно горя они и не знали.

Ночь свадьбы идет. Тост за тостом, как света поток,
Вершин белизна в них и рек неумная сила,
Блистанье зарниц. Пробки с треском летят в потолок,
И в стены, и в двери летят, чтоб веселье бурлило.

В открытые окна деревья глядят, как из мглы,
И видят невесты и девушек тонкие лица.
Ночь свадьбы идет. Над аулом вершины белы,
На них эта полночь июльская грудью ложится.

А девушки пляшут так плавно, как будто несут,
Боясь, что расплещутся, ведра воды родниковой.
Пусть строчки мои эту плавность их не растрясут,
Пускай сохранит ее прелесть звенящее слово.

Ночь свадьбы идет. В тостах — яркие звезд огоньки
И шелест чинар, что растут за аулом, на воле,

В тех тостах сияют под ясной луной ледники
И дождь шелестит, поливая подсолнуха поле.

Ночь свадьбы идет. Слышен крик: — Бубен, бубен!
Сильней!
Эй, парень, что ноги жалеешь? Гремит плясовая! —
Как будто не знали мы боли и горестных дней,
Так пляшем, поем. Лунным светом дворы заливает.

Мы свадьбу справляем, пируем, беду победив,
Луна нам завидует, хоть и глядит величаво.
У горного лета сейчас как бы счастья прилив:
Леса зеленеют и пахнут высокие травы.

Рассвет наступает. Луны за окном уже нет.
Белеют хребты, где-то солнце встает за горою.
Поднявшись, сказал тамада, освещенный зарею:
— Восславим же радость и выпьем за новый рассвет!

1963